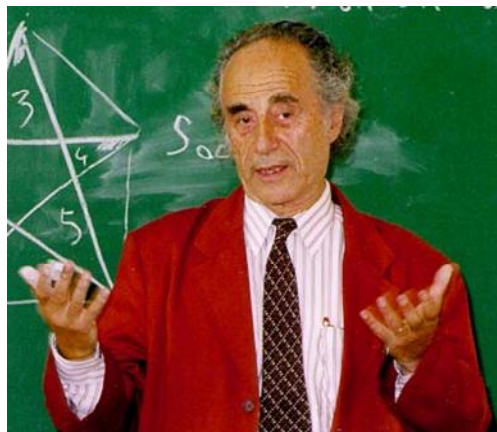

Серж Гингер – история французского Гештальта И на камнях растут цветы

Детство мамы прошло в Лиепае, потом она переехала в Москву. Отец - поэт Александр Гингер был родом из С-Петербурга. Оба покинули Россию в первые годы советской власти, подхваченные мощной волной эмиграции. Судьба свела их вместе лишь в Париже, где они познакомились, поженились и кроме стихов подарили миру двух сыновей - Василия и Сергея.

- Фрейд утверждал, что каждый мальчик непременно бывает влюблен в свою мать. Но со мной этого не произошло. Фрейду не нравилось смотреть людям в глаза и подавать им руку. А я именно на таких приемах и строил мой метод работы, - так обрисовал Серж Гингер суть своих разногласий с традиционной психологией на одной из лекций в Латвийском Университете. Старый деревянный Лепайский дом, по которому ныне уже покойная матушка поэтесса Анна Присманова разгуливала еще маленькой девочкой, в его душе всколыхнулись противоречивые чувства, много лет тому назад, в Париже, он не раз слышал рассказы о неведомых для него в ту пору России и Латвии.

К сожалению, ни один из родителей не дожил до перемен на востоке и больше уже никогда не увидел своей родины. Не довелось узнать и о сборнике собственных поэтических произведений «Туманное звено», который все же был опубликован в России в начале 90х годов. Зато Серж уже далеко не в первый раз навещает как Ригу, так и С-Петербург.

И в России и в Латвии у него немало учеников. А совсем недавно у нас вышел в свет латышский перевод одной из его книг – «Гештальт - искусство контакта». Сегодня господин Гингер - один из самых ярких звезд современной мировой психотерапии. Он – президент Международной Федерации Организаций Преподающих Гештальт (FORGE), объединяющей 30 институтов и школ 16 стран. Вице-президент французской федерации психотерапевтов, доктор психологических наук.

Серж - автор множеств книг по психологии и воспитанию трудных детей, также сборника очерков о повседневной жизни Персии, который во Франции был удостоен первой журналистской премии. Господин Гингер свободно владеет несколькими языками, в то числе и русским.

Именно в парижской квартире Александра Гингер и Анны Присмановой постоянно собирались за чашечкой кофе известнейшие ныне русские художники, поэты, писатели и критики, поселившиеся в эмиграции во Франции. В конце тридцатых годов здесь частенько бывали Ирина Одоевцева, Марина Цветаева, Марк Шагал, Зоя Эдинбург и многие другие творческие люди. Отсюда вышла и знаменитая парижская школа русских художников эмигрантов «Эколь де Пари».

- Каждую среду по вечерам наша квартира превращалась в литературно-художественный салон, где выставлялись свежие полотна, читались только что написанные стихи, проза. Тут же давали свои оценки критики. Но нас, ребят, больше всего привлекал обеденный стол. Обычно он пустовал. А гости, которых собиралось не менее двадцати человек, выкладывали на него всевозможные лакомства.

Мама с папой ничего не давали к застолью. Только советы. Взрослые всю ночь напролет разговаривали, закусывали. Мы же с братом Василием слушали сквозь сон неясные обрывки русских фраз, через узкую дверную щель разглядывали туманные силуэты людей. И мечтали о том, чтобы поскорее на ступило утро, - так вспоминает Серж свое детство. В те годы для братьев Гингеров начало четверга всегда было праздником. Они выходили из спальни в опустевший зал, усаживались наконец-то за стол и ...доедали то, что оставалось от ночного пиршества. Они постоянно голодали. Ведь родители нигде не работали. По словам Сержа, маму и папу мало интересовала материальная сторона жизни.

- В нашем доме всегда царило изобилие книг, знаменитостей, всевозможных абстрактных идей и философских разговоров. В этой исключительно культурной атмосфере для нас с братом не находилось не только куска хлеб насущного, но и элементарного человеческого тепла, - рассказал господин Гингер.

Тогда маленькому Сержу больше всего на свете хотелось, чтобы хоть раз в жизни обняла его, прижала к своему сердцу, приласкала мама. Но она никогда не баловала сыновей подобными знаками внимания. Общаться с ней было холоднее, чем со сказочной, Снежной королевой.

Целыми днями мать спала, а по ночам писала философские поэмы. Так что мальчики ее почти не видели. Отец исповедовал буддизм, он постоянно стремился к уединению и медитировал. Или же писал. Родители никогда не интересовались, где находились их дети, что с ними. Поэтому в своей семье братья Гингеры ощущали себя полными иностранцами, сиротами.

Блуждая в таком состоянии по парижским улочкам, всегда предоставленные лишь сами себе, мальчики, наверное, вполне могли однажды исчезнуть из родительского дома и примкнуть к малолетним преступникам. Но они выбрали иной путь, постепенно взяв на себя ответственность за всю семью. Двенадцатилетний Василий уже два года зарабатывал на жизнь, в школе занимаясь репетиторством. Перед нацистским вторжением во Францию к его социально-культурному бизнесу примкнул и десятилетний Серж.

За свои труды они получали или деньги или продукты. На эти скромные доходы ребята содержали не только себя, но и своих родителей. Правда, ела поэтическая чета очень мало, предпочитая поддерживать себя в основном духовной пищей. Впрочем, возможно, они просто не могли жить по-другому.

После поступления в Сорбонский университет пути братьев Гингеров все-таки разошлись. Василий предпочел остаться с математикой и физикой. А Серж вскоре заскучал среди сухих формул, абстракций и перешел на психологической факультет. Ему по-прежнему катастрофически не хватало человеческого общения, живого, конкретного дела.

Поэтому институт, где готовили воспитателей для трудных ребят, пришелся Гингеру как раз по душе. Именно там в его жизнь вошла и совсем иная Анна - очаровательная юная француженка, которая как ласковое летнее солнышко растопила в его душе ледяные айсберги детских воспоминаний. И хотя Анна Пиерон тоже интересовалась философией и литературой, но по характеру ни капли не походила на свою будущую свекровь. С детских лет она со своими родителями помогала бедным парижанам, работая в Армии Спасения.

Вскоре молодые воспитатели парижских "гаврошей" поженились. И Серж, продолжая оставаться психологом, одновременно возглавил институт, занимавшийся проблемами криминальной молодежи. Государство никак не могло придумать, как воспитывать детей, которые уже по многу раз побывали в тюрьмах и лечились в госпитале.

- Тогда мы решили создать под Парижем специальный пансион там, где наша институтская команда из психологов, врачей-психиатров, воспитателей и социальных работников на протяжении трех-четырех лет постоянно жила вместе с малолетними преступниками, - объяснил Серж. - Каждый день эти сорванцы преподносили нам великое множество сюрпризов. Они обворовывали нас, дрались и сбегали. Но мы не сдавались и все время пытались помочь и обрести гармонию в отношениях с окружающим миром.

Там же, в этом загородном пансионате-коммуне, рядом с маленькими бандитами жуликами, один за другим появлялись на свет и подрастали все дети Гингеров - трое дочерей и один сын.

- Это сильно помогало не оставаться одновременно заботливой женой, матерью и не забывать о своей профессиональной карьере. Мы постоянно находились все вместе, много виделись друг с другом. Пока последнему из наших детей не исполнилось десять лет, я трудилась лишь с половинной нагрузкой. А остальное время посвящала своим ребятишкам. Живя бок о бок с малышами, у которых не было полноценных семей, наши дочери и сын каждый день учились дорожить теплом родительского очага и наших внутренних взаимоотношений, - вспоминает Анна. - Кроме того, наши дети всегда тянули в дом всех своих друзей и знакомых, у которых возникли какие-то проблемы с их родителями. Они были уверены, что мы уж и обязательно поможем. Так оно и получалось.

Как-то раз посреди ночи Гингеру позвонил один мальчуган, решивший покончить с собой. "Отличная идея! - ответила ему Анна. - Но ведь столь важное дело нельзя провести абы

как. Нужно выбрать подходящее место, способ. Словом, все тщательно подготовить. Зайди к нам, обсудим это вместе". В результате самоубийство не состоялось.

По словам Сержа, лишь 10% всех браков в мире складываются удачно. Его союз с Анной Пиерон как раз входит в это мизерное число. Несколько недель назад Серж и Анна сыграли свою "золотую" свадьбу. Тридцать лет они проработали рука об руку, вдохновляя и поддерживая друг друга. Опубликовали семь совестных книг, в то числе две - по Гештальт-терапии.

Их старшая дочь Ирина стала танцовщицей. Она выступает с балетом по всему миру, в том числе, бывает и на родине дедушки - в С.-Петербурге. А также обучает своему искусству маленьких парижанок.

Катрин выбрала родительский путь - занимается Гештальт-терапией с трудными ребятами и дает детям уроки конного спорта. Единственный сын Гингеров Люка - профессор музыки, кроме того, заядлый турист. Ну, самая младшая дочь Наташа обучает детей математике и воспитывает юных скаутов. Профессия каждого из них начиналась с хобби.

Теперь у Гингеров уже десять внуков. Анна пишет для них увлекательные сказки. А Серж печатает ее творения домашним способом - на компьютере и размножает на ксероксе. Малыши в восторге - у каждого по экземпляру.

Тридцать лет назад врачи и психологи из американского университета в Сан-Франциско пригласили Сержа Гингера к себе в гости, чтобы он рассказал им о своей удивительной французской методике работы с юными преступниками. И вдруг во время лекции выяснилось, что терапия Сержа уже давным-давно известна американцам. Называется она у них Гештальт, что в переводе с немецкого означает "фигура", "образ". Она оказалась ровесницей самого Сержа, поскольку "отец" Гештальта, психотерапевт доктор Фриц Перлз разработал свою теорию примерно в конце двадцатых годов. Ну, что ж, иногда бывает приятно изобрести даже велосипед. Тем более, что методика, над которой Серж Гингер и его коллеги трудились в течение десяти лет, весьма оригинальный французский вариант Гештальт-терапии.

Вскоре Серж и Анна оставили работу в пансионате. В течение десяти последующих лет они усердно учились у последователей Перлза в различных институтах Америки. А потом и сами стали преподавать. В 1981 году они открыли Парижскую школу Гештальта и возглавляли ее целых 15 лет. Теперь же ее директором стал один из учеников Гингеров – Гонзак Маскулен. Сами они лишь координируют деятельность институтов и преподают Гештальт в разных странах, в то числе, и в Латвии. Ежегодно супруги проводят семинары в 10 государствах мира, где встречаются со своими последователями. Сегодня Сержа особенно интересует психология политики. К его ученикам все чаще обращаются за помощью видные государственные деятели и даже президенты. Это делал, например, Джиим Картер.

По мнению Сержа, Гештальт - не только терапия, но и философия, образ жизни. На вопрос о своем вероисповедании он не задумываясь отвечает: "Я - гештальтист". В парижской квартире Гингеров частенько собираются психотерапевты, чтобы обсудить, например, сложный случай в практике.

Их семь – восемь человек. И Анна прекрасно знает, кто из них что именно любит. Одному она готовит кофе, другому - чай, третьему - апельсиновый сок и т.д. Вот это как раз и есть пример Гештальтийского контакта. Каждый имеет право быть самим собой. Даже в мелочах. Кофе, кстати, тоже можно сварить по-гештальтийски, т.е. по-разному.

- Психотерапия - это не только метод против болезней и страданий. Она помогает раскрыть все полезное, прекрасное, что существует внутри нас. Иными словами, цветы можно выращивать и на камнях. Что же касается меня самого, то свою судьбу я всегда создавал сам. Психология ли помогла мне стать столь удачливым, или же просто я такой человек, что сумел получить от жизни все о чем мечтал, в том числе, и психологию? Этого я не знаю. Но мой путь мне нравится. Он получается интересным, - признался господин Гингер.

Елена МИЩЕНКО. 14 мая 2000 года. Рига